

УДК 82-145

С. П. Лукина,

филологический факультет,

Омский государственный педагогический университет

Научный руководитель: канд. филол. наук, доц. Н. В. Макшеева

Поэт и толпа в стихотворении Ф. И. Тютчева «О, как убийственно мы любим...»

Аннотация. В статье показано, как конфликт поэта и толпы раскрывается в лирике русских поэтов, в чём состоит особенность изображения ими двух противостоящих сторон. На контрасте с другими авторами и при учете биографического контекста раскрывается индивидуальность понимания этой темы в творчестве Ф. И. Тютчева.

Ключевые слова: поэт и толпа, Тютчев, Лермонтов, Цветаева, Блок, Пушкин, обличительная лирика, поэзия, литература.

Тема конфликта поэта и толпы возникает в произведении практически каждого русского поэта, который однажды размышлял о значимости своего предназначения и его видении обществом. Будучи наделенными особым даром, творцы всегда резко выделялись на фоне толпы, в связи с чем между этими сторонами изначально существовало разделение, послужившее поводом к бесконечному противостоянию.

Одной из наиболее ярких иллюстраций данного конфликта можно считать стихотворение А. С. Пушкина «Поэт и толпа». Как писал В. И. Иванов, здесь автор «впервые выразил всю трагичность разрыва между художником нового времени и народом» [2, с. 138]. Являясь частями одного целого — человечества, живущего в земном мире, — творец и общество отстаивают друг перед другом свою правду. Народ требует от художника безоговорочного служения практическим, бытовым целям: *Свой дар, божественный посланник, / Во благо нам употребляй...* При этом толпа видит в творце не учителя, а, скорее, ученого раба, которому нужно указывать, как выполнять свое дело. Поэт же не согласен принимать эту роль, поскольку осознает свое высшее предназначение. Обе стороны одинаково правы и неправы в своем мнении: «...Трагичен этот хор — Чернь, бьющий себя в грудь и требующий духовного хлеба от гения. Трагичен и гений, которому нечего дать его обступившим» [2, с. 138].

Выход из этого конфликта каждый поэт мыслит по-своему. Кто-то, подобно субъекту речи в стихотворении Ф. И. Тютчева «Silentium!», ищет мысленного уединения, восхваляя «внутреннее слово» как первозданную ценность, которую необходимо беречь от вмешательства извне. Некоторые же

поэты нарушают обет молчания, чем подвергают свое творение риску быть оцененным и, возможно, неправильно понятым. В этом случае общество безжалостно по отношению к творцу, о чём писал и В. В. Маяковский: *Толпа озверевает, будет тереться, оцетинит ножки стоголовая вошь.*

В рамках конфликта поэта и толпы всегда рассматриваются две противоборствующие стороны, у которых отмечена разность не только мнений, но и мироощущений. Однако в обличительной лирике Ф. И. Тютчева эта проблема раскрыта не так однозначно.

Рассмотрим несколько примеров обличительной лирики в произведениях русских поэтов: М. Ю. Лермонтов «Смерть поэта», А. А. Блок «Фабрика», М. И. Цветаева «Моим стихам, написанным так рано...».

В произведении М. Ю. Лермонтова автор обращением «вы» устанавливает две противоположные стороны: обвиняемую толпу и обвинителя — субъекта речи, защищающего творца. Всем лирическим персонажам также даются определенные характеристики: «надменные потомки», стоящие «жадною толпой», и «дивный гений», «с юных лет постигнувший людей».

Похожая ситуация возникает и в стихотворении А. А. Блока «Фабрика». Поэт наблюдает за тем, как одна часть общества угнетает другую, но при этом сам отрешен от происходящих событий. Обратив внимание на местоимения, вновь можно заметить, что субъект речи противопоставлен толпе: «они войдут и разбредутся», но «я слышу всё с моей вершины».

В поэзии М. И. Цветаевой также показана обособленность поэта от окружающего мира. Здесь

нет прямого описания толпы, однако отчетливо прослеживается упрек в ее сторону: лирическая героиня создает стихотворения на значимые, вечные темы — «о юности и смерти», однако они остаются «нечитанными». Таким образом, мы вновь видим гениального поэта и черствое, глухое к искусству общество.

На контрасте приведенных примеров явными становятся особенности стихотворения Ф. И. Тютчева «О, как убийственно мы любим...» [3]. Несмотря на то, что главной темой является губительная сила любви, мотив уличения пороков общества также здесь присутствует, соответственно, мы можем говорить о принадлежности произведения к обличительной лирике. В отличие от предыдущих примеров, поэт не противопоставлен толпе, а, напротив, включен в нее и разделяет все присущие ей недостатки. Уникален даже ракурс, с которого мы рассматриваем пороки толпы: субъект речи говорит о них, используя три точки зрения. Первая — мы смотрим на общество со стороны, как бы просто наблюдаем за происходящим: *Толпа, нахлынув, в грязь втоптала / То, что в душе ее цвело*. Вторая — с помощью местоимения

«мы» субъект речи приобщает и себя, и читателя к преступлению над лирическим персонажем: *Как в буйной слепоте страстей / Мы то всего вернее губим, / Что сердцу нашему милей!* И третья точка зрения характерна уже только для автора: используя местоимение «ты», он обращается к самому себе и уличает общество в его проступках через самоосуждение: *Судьбы ужасным приговором / Твоя любовь для ней была...* Включенность творца в толпу подтверждается также биографическим контекстом. Отношения Ф. И. Тютчева с Е. А. Денисьевой приводят к трагедии в жизни девушки: после раскрытия этой тайны поэт сохраняет связи со светским обществом, в то время как его возлюбленная оказывается изгнанной оттуда.

Так, в стихотворении Ф. И. Тютчева образ поэта впервые оказывается включенным в осуждаемую толпу, что подтверждается автобиографизмом, поскольку здесь случай из жизни автора напрямую входит в произведение в качестве смыслового ключа [1]. Это помогает нам увидеть общность поэта и толпы и, соответственно, понять уникальность раскрытия обличительного пафоса в лирике Ф. И. Тютчева.

1. Гинзбург Л. Я. Автобиографизм в лирике // Гинзбург Л. Я. О лирике. — Л. : Советский писатель. Ленингр. отд-ние, 1974. — С. 196–204.

2. Иванов В. И. Поэт и чернь // Иванов В. И. Родное и вселенское. — М. : Республика, 1994. — С. 138–142.

3. Лотман Л. М. Тютчев // История русской литературы : в 4 т. Т. 3 : Расцвет реализма. — Л. : Наука, 1982. — С. 415–420.